

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2

2020

М. В. Шкаровский

Нелегальная деятельность Александро-Невского братства в 1925–1932 гг.

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10036

Аннотация: Одним из самых значительных братств в истории Русской Православной Церкви было существовавшее в 1918–1932 гг. в Санкт-Петербурге (Петрограде, Ленинграде) Александро-Невское братство. Оно было создано при Александро-Невской лавре и включало в свой состав как священнослужителей, так и наиболее активную и преданную Церкви часть мирян города. Деятельность членов братства была очень разнообразна: богослужebная, духовно-просветительная, благотворительная, научно-богословская, образовательная и др. При этом важнейший период его истории составляет время нелегальной деятельности: с 1925 г. и вплоть до разгрома братства ОГПУ в 1932 г. След, оставленный Александро-Невским братством в истории Русской Православной Церкви, был заметным весь XX век, четыре его члена стали архиереями Московского Патриархата, еще несколько были причислены к лику святых. Сейчас память о новомучениках в Северной столице возрождается. Важным событием стало и воссоздание в 2008 г. при Лавре Александро-Невского братства.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Александро-Невское братство, Санкт-Петербург, нелегальная деятельность, новомученики.

Об авторе: **Михаил Витальевич Шкаровский**

Доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Ссылка на статью: Шкаровский М. В. Нелегальная деятельность Александро-Невского братства в 1925–1932 гг. // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 187–207.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2020

Mikhail V. Shkarovskiy

Illegal Activity
of the Alexander Nevsky Brotherhood in 1925–1932

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10036

Abstract: One of the most significant fraternities in the history of The Russian Orthodox Church was the Alexander Nevsky brotherhood, which existed in 1918-1932 in St. Petersburg (Petrograd, Leningrad). It was created at the Alexander Nevsky Lavra and consisted both of priests and the most active and devoted to the Church of the laity of the city. The activity of the members of the brotherhood was very diverse: liturgical, spiritual and educational, charitable, scientific and theological, educational, etc. At the same time, the most important period of its history is the time of illegal activity since 1925 until the defeat of the brotherhood in 1932 by the Joint State Political Directorate. The trace left by the Alexander Nevsky brotherhood in the history of the Russian Orthodox Church was noticeable throughout the twentieth century, four of its members became bishops of the Moscow Patriarchate, several ones were canonized. Now revived is the memory of the new martyrs in the Northern capital. An important event was the re-establishment of the Alexander Nevsky brotherhood at the Lavra in 2008.

Keywords: Russian Orthodox Church, Alexander Nevsky brotherhood, St. Petersburg, illegal activity, new martyrs.

About the author: **Mikhail Vitalievich Shkarovskiy**

Doctor of Historical Sciences, Professor of the St. Petersburg Theological Academy, Professor of the Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies, Chief archivist of the Central State Archive of St. Petersburg.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Article link: Shkarovskiy M.V. Illegal Activity of the Alexander Nevsky Brotherhood in 1925–1932. *Khristianskoye Chteniye*, 2020, no. 2, pp. 187–207.

Одним из самых значительных братств в истории Русской Православной Церкви было существовавшее в 1918–1932 гг. в Санкт-Петербурге (Петрограде, Ленинграде) и возрожденное в 2008 г. Александро-Невское братство. Оно было создано при Свято-Троицкой Александро-Невской лавре и включало в свой состав как насельников обители, других священнослужителей, так и наиболее активную и преданную Церкви часть мирян Северной столицы. В тяжелые годы антирелигиозных гонений братство представляло собой духовный стержень жизни Петроградской (Ленинградской) епархии. Деятельность его членов была удивительно разнообразна: богослужбная, духовно-просветительская, благотворительная, научно-богословская, образовательная и др. Несколько членов братства прославлены ныне в лике святых. Ни одна другая церковно-общественная организация в XX в. не дала такого большого количества будущих архиереев Русской Православной Церкви.

К 1925 г. перестали существовать все другие братства Ленинграда, а Александро-Невское было вынуждено перейти на нелегальное положение. Однако его деятельность не только не угасла, но даже расширилась: было создано несколько монашеских общин, философский кружок, три братских хора и т. д.

На 1926–1928 гг. пришелся относительно благоприятный период существования братства. Его жизнь и деятельность официально была нелегальной, но в то же время прямо не преследовалась. Братство возглавляли три находившиеся между собой в тесном духовном общении и единстве руководителя — отцы Гурий и Лев (Егоровы) и о. Варлаам (Сацердотский). Последний в 1926 г. стал служить в Петровской церкви Творожковского подворья, а вскоре был возведен в сан архимандрита. Отца Льва примерно в это же время назначили настоятелем одного из крупнейших соборов Северной столицы — храма Феодоровской иконы Божией Матери в память 300-летия царствования Дома Романовых на Миргородской ул. Постепенно туда перешла часть членов братства, и в 1930 г. — два братских хора. Отец Лев также был возведен в сан архимандрита и стал исполнять обязанности благочинного, преподавателя и члена педагогического совета Богословско-пастырского училища.

Но главную роль в руководстве братством играл архимандрит Гурий. Весной 1926 г. он был назначен заведующим Богословско-пастырским училищем и благочинным монастырей Ленинградской епархии, расположенных за пределами города. При этом о. Гурий окормлял общину сестер на Конной ул., руководил мужским монашеским кружком, в основном состоявшим из членов братства, и создал третий братский хор при храмах кинобии, где он служил настоятелем. Регентовала этим хором дочь философа А. А. Мейера Лидия Александровна Мейер [Вендланд, 1998, 101–102].

В начале 1926 г. молодые ученые Никита Мещерский и Ростислав Лобковский организовали кружок по изучению монашества имени Иоанна Лествичника. Первоначально его возглавлял о. Лев (Егоров), затем, с осени 1926 г., — вернувшийся из ссылки о. Варлаам, а с 1928 г. — архимандрит Гурий [Мещерский, 1982, 85–86].

Почти все члены кружка в дальнейшем приняли монашеский постриг. Руководители Александро-Невского братства, видя нарастающий процесс уничтожения существующих обителей, с еще большей активностью стремились подготовить к принятию пострига молодых образованных людей. Не оставил о. Гурий и своего намерения основать полулегальную мужскую монашескую общину. В конце концов этот план не осуществился, хотя одно время даже подыскивалась подходящая дача в окрестностях Ленинграда для размещения там общины. Однако не менее девяти молодых людей, так или иначе связанных с Александро-Невским братством, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. приняли монашеский постриг в мантию.

Помимо работы монашеского кружка Иоанна Лествичника в 1926–1928 гг. регулярно, дважды в месяц, проводились заседания философского кружка под руководством архим. Варлаама (Сацердотского). По свидетельству Н. А. Мещерского, «в отличие от других братских отцов, он был склонен к философии, любил Бердяева, Булгакова и др. Он тоже был хороший проповедник, но очень скромный... У него внешний

облик был, как у св. Николы Новгородского, — худощавый облик, очень маленькая редкая борода. Носил он круглые тонкие очки» [Мещерский, 1982, 25].

Писал Н. А. Мещерский и о проводимых архимандритом заседаниях: «Философский кружок работал под руководством отца Варлаама и собирался у нас на квартире через неделю, после вечерни. Начали мы с Флоренского „Столп и утверждение истины“ — нужно было реферировать главы книги и беседовать о них. Потом было намечено: Евг. Трубецкой „Свет невечерний“, С. Булгаков „Два града“, что-то Бердяева. Словом, философы XX века. Кто принимал участие — Ростислав Лобковский, Иннокентий Астанин, о. Афанасий (Карасевич), Федя Кисловский — он учился в Институте истории искусств в одной группе со Львом Успенским. Мой двоюродный брат Борис Форш (он не был православным, но весьма интересовался православием и философской стороной православия; он был незаурядным поэтом — не знаю, печатался ли он, но писал очень интересные стихи с мистико-философским налетом). Были также братья Благодатовы, Георгий и Иннокентий. Георгий Благодатов, музыковед, лауреат государственной премии, работает в Институте театра, музыки и кинематографии в области народной музыки. Иннокентий Благодатов — инженер-топограф. Эпизодически там бывали Коля Гурьев и Леля (Алеша) Максимович — литературовед, работал в Пушкинском доме» [Мещерский, 1982, 84–85].

Через Н. Гурьева и А. Максимовича философский кружок братства был связан с другими полулегальными религиозно ориентированными организациями интеллигенции города. Н. Гурьев входил в так называемую Космическую академию, по делу которой в 1928 г. был приговорен к пяти годам лагерей. А. Максимович же состоял в религиозно-философском обществе «Воскресенье».

Оба указанных братских кружка были небольшими по численности и состояли только из мужчин. Но среди членов братства преобладали женщины, которым тоже не было чуждо стремление к самообразованию. Поэтому два-три раза в год на различных квартирах собиралась для заслушивания докладов так называемая «большая (или умная) группа братства». Например, в 1925 г. в день Отцов I Вселенского Собора, когда отмечалось его 1600-летие, на подобном заседании группы с докладом о Соборе выступил Н. А. Мещерский. Состоялось это заседание на квартире сестры-массажистки Лидии Петровны Кирсановой.

Часть членов Александро-Невского братства обучалась на Высших Богословских курсах и, особенно в большом количестве, в Богословско-пастырском училище, что было связано с преподаванием в нем руководителей братства. 1 марта 1926 г. педагогический совет училища постановил избрать помощником заведующего архим. Гурия (Егорова) и пригласить для чтения лекций по гомилетике о. Льва (Егорова). Вскоре, 26 мая 1926 г., Педагогический совет заслушал заявление прот. Александра Пакляра с отказом от должности заведующего и от чтения лекций по Священному Писанию Нового Завета. Исполнение обязанностей заведующего было возложено на о. Гурия [ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 8. Д. 75. Л. 147].

В дневнике монахини Евфросинии (Вендланд) об этом (с небольшой неточностью в дате) говорилось так: «В 1926 году, осенью, в Пастырском Училище появилось еще одно лицо, которое оказало коренной переворот в наших душах и определило дальнейшее течение нашей жизни. Это был архимандрит Гурий. Он был 35 лет и стал заведующим Пастырским Училищем. Он преподавал нам Историю Церкви. Но нас не столько интересовали его лекции, как то, что в нем мы сразу почувствовали духовного руководителя. Богослужения в Пастырском, посещение Киновии — открыло нам какую-то совершенно новую жизнь людей, посвятивших себя Богу. Это — монашество... Я поняла, что и для меня возможна и необходима такая жизнь. И с тех пор я как бы обручилась с намерением отрешиться от своих интересов и жить для Церкви» [Зегжда, 2009а, 413].

Архим. Гурий, действительно, помимо исполнения обязанностей заведующего, преподавал в училище историю Церкви. Архим. Лев (Егоров), в свою очередь, преподавал в училище русскую литературу и гомилетику был членом его педагогического совета. В апреле 1926 г. в училище насчитывалось 43 слушателя и девять

преподавателей. 23 июня 1926 г. Педагогический совет выразил благодарность прот. Александру Пахляру за понесенные труды и просил его принять на себя обязанности заведующего хозяйством и казначея [ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 8. Д. 75. Л. 152].

В 1927 г. лекции о. Гурия стал посещать недавно закончивший школу Константин Вендланд (будущий митр. Иоанн) [АУ ФСБ СПб ЛО. Ф. Арх.-сл. дел. Д. П-24095. Л. 188]. В этом году в училище обучалось уже около 70 человек, и его популярность стала вызывать раздражение у властей. В конце апреля 1927 г. заведующий районным церковным столом написал городскому руководству заявления о необходимости закрыть Высшие Богословские курсы и Богословско-пастырское училище, так как они «готовят врагов советской власти». Ликвидировать эти учебные заведения в то время власти не решились, но поручили ГПУ сфабриковать «дело Богословско-пастырского училища». Аресты по нему проходили в основном в мае-июне 1927 г. и серьезно затронули Александро-Невское братство. 27 мая агенты ГПУ арестовали архимм. Гурия и Льва, за решеткой также оказались архиеп. Гавриил (Воеводин), который с 14 сентября 1926 г. временно управлял Ленинградской епархией, и несколько братчиц, в частности Надежда Михайловна Павинская. Она родилась в семье петербургского священника, окончила гимназию и с 1925 г. совмещала занятия в училище с обучением детей по программе школы-семилетки и Закону Божию у себя на дому [АУ ФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-сл. дел. Д. П-24095. Л. 188].

29 мая ректор Высших Богословских курсов прот. Николай Чуков так написал об этих событиях в своем дневнике: «Сейчас был о. Карп¹ и сообщил, что вчера архим. Лев и Гурий (Егоровы) были вызваны в ГПУ и оттуда препровождены на Шпалерную в ДПЗ. По дороге о. Лев передал кому-то из поджидавших, что допрашивали о Пастырском училище. Таким образом, своей глупой политикой оппозиции власти сгубили училище, которое, возможно, закроют. Вчера днем к о. Карпу приходили из Райисполкома Шляпин с делопроизводителем Воронцовым и осматривали инвентарь курсов, но, оказывается, должны были переписать инвентарь училища, что потом и сделали. Назвали училище „контрреволюционным гнездом“. К нашему учреждению, по-видимому, отношение благосклонное. Думаю, что арест Егоровых имеет причины — более глубокие: не в училище дело, которое является здесь только поводом, а в их общей политике противодействия желанию наших прогрессивных кругов войти и жить в контакте с государственной властью, что они называют „соглашательством“» [Чуков, 2012, 407–408].

Кроме названных лиц по делу проходили настоятель Александро-Невской лавры еп. Григорий (Лебедев), преподаватели училища — прот. Феодор Андреев, прот. Никифор Стрельников, свящ. Петр Жарков, секретарь Л. М. Де-Кампо-Сципион и учащиеся — В. В. Дыргинт, И. Ф. Никуленко, Е. И. Терпигорева, В. Ф. Позднякова. Суть обвинения заключалась в том, что владыки Гавриил и Григорий через педагогический совет Богословско-пастырского училища и учащихся (преимущественно из дворян) якобы организовали кружок «Ревнителю истинного православия», «на который возлагалась обязанность массового выступления при закрытии по требованию рабочих церковей, при передаче церковей другим течениям» (т. е. обновленцам) и т. п. Архим. Гурий также обвинялся в хранении и распространении лекций контрреволюционного содержания, а архим. Лев — в проведении антисоветской агитации посредством своих лекций. При обысках у некоторых учащихся и преподавателей были найдены отдельные образцы религиозного самиздата того времени — седьмое «Письмо к друзьям» профессора Михаила Новоселова (от 11 мая 1923 г.), антиобновленческие послания и др. Они дополнили «обвинительный материал» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-24095. Л. 40, 82, 124, 161, 176].

Впрочем, допросы обвиняемых дали следствию немного. Архимм. Гурий и Лев, как и почти все остальные, свою вину категорически отрицали. Так, о. Гурий заявил,

¹ Упоминается священномученик протоиерей Карп Карпович Эльб, в 1926–1928 гг. служивший экономом Высших Богословских курсов.

что ему о существовании при училище кружка «Ревнителеей и ревнительниц истинного православия» ничего не известно. Правда, кружок слушательниц училища все-таки был, хотя, конечно, без всякой политической направленности. Н. Павинская на допросе показала, что она входила в кружок из 10–12 учащихся, которым руководила Варвара Фроловна Позднякова. Заседания проходили на квартирах у нее и Евлампии Ивановны Терпигоревой, собравшиеся слушали лекции, обсуждали литературные произведения. В частности, по свидетельству Павинской, «один литератор» декламировал приписываемое Сергею Есенину стихотворение «Ответ Демьяну Бедному» с резкой критикой безбожных произведений последнего [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-24095. Л. 89, 117–118].

В конце концов «дело Богословско-пастырского училища» развалилось. 19 ноября 1927 г. всех арестованных освободили под подписку о невыезде, а через год — 10 ноября 1928 г. — дело вообще было прекращено «за недостаточностью компрометирующего материала» и взятые подписки аннулированы [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-24095. Л. 214, 226]. Но все учебные заведения Московского Патриархата к этому времени в Ленинграде (как и по всей стране) уже были закрыты.

Из хранящейся в следственном деле «Всесоюзного центра Истинного Православия» секретной переписки ОГПУ видно, что арестованные по «делу Богословско-пастырского училища» были освобождены с расчетом на то, чтобы они включились в набиравшее силу иосифлянское движение. Советскому руководству были выгодны любые новые расколы и разделения в Русской Православной Церкви, ослаблявшие ее единство. Поэтому на первых порах власти не препятствовали возникновению оппозиционного им церковного движения, получившего свое название по имени руководителя — митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых). Иосифляне не признавали опубликованную в июле 1927 г. декларацию заместителя патриаршего местоблюстителя митр. Сергия (Страгородского) о лояльности советской власти и отказывались почитать в храмах и эту власть, и самого владыку Сергия. Митр. Иосиф в конце 1927 — начале 1928 г. находился в Ростове и затем был выслан в Череповецкую губернию и поэтому до своего смещения с кафедры управлял Ленинградской епархией через викариев. Акт отхода иосифлян от митр. Сергия был подписан в Северной столице 26 декабря 1927 г. Всего в Ленинграде за владыкой Иосифом пошли 23 прихода из примерно 100, принадлежавших к Патриаршей Церкви (подр. см.: [Шкаровский, 1999]).

Двое из освобожденных в ноябре 1927 г. — протоиереи Феодор Андреев и Никифор Стрельников — стали активными участниками иосифлянского движения. Но все руководители Александро-Невского братства единодушно остались верны митр. Сергию. Под их влиянием и практически все члены братства за редчайшим исключением не поддерживали иосифлян. Эта позиция братских отцов оказала заметное влияние на ситуацию в епархии в целом. Они даже переписывались с руководителями иосифлян, стараясь убедить их в неправильности занятой позиции. Так, архим. Лев (Егоров) обменивался письмами с митр. Иосифом. К сожалению, обращение к владыке архимандрита не сохранилось, но хорошо известен ответ митрополита в феврале 1928 г.: «Дорогой Отче!.. Не судите же меня строго и четко усвойте следующее: 1. Я отнюдь не раскольник и зову не к расколу, а к очищению Церкви от сеющих истинный раскол и вызывающих его. 2. Указание другому его заблуждений и неправоты не есть раскол, а, попросту говоря, введение в оглобли разнуждавшегося коня. 3. Отказ принять здравые упреки и указания есть действительно раскол и попрание истины...» [Центр документации новейшей истории Воронежской обл. Ф. 9323. Оп. 2. Д. П-24705. Т. 7. Л. 83–84].

Случившееся в 1927 г. трагическое и болезненное разделение в Русской Православной Церкви оборвало и некоторые тесные духовные связи членов братства с другими священнослужителями и мирянами. Так, например, иосифлянкой стала чтимая архим. Гурием и многими братчицами проживавшая в Гатчине парализованная преподобная монахиня Мария (Леянова), обладавшая даром утешения скорбящих. В качестве примера их прежних близких отношений можно привести

продиктованное в ноябре 1926 г. матерью Марией письмо к братчице Лидии Александровне Никитиной: «Дорогая, хорошая моя Лида! Мир Божий да настанет в душе твоей... Прочла твое длинейшее письмо, и вижу, что оно написано в очень нервном состоянии. Видно, что ты чего-то испугалась, смутилась, задрожала, пережила много тяжелых минут и часов, и даже дней и успокоилась только тогда, когда переговорила с О. Г[урием]; так бы следовало поступить в самый момент сомнений твоих — и он бы тебе все разъяснил... С О. Г[урием] мы сходимся во мнении о тебе, что тебе нужна истинно-христианская жизнь, как мирянки, а не монашеская... Ты только не унывай, не печалься, помни, что истинно любящие тебя руководители никогда не оставят, устроят твою жизнь согласно твоим духовным, нравственным и физическим началам... Любящая тебя недостойная монахиня болящая Мария» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 3. Л. 412–412 об.].

Л. А. Никитина родилась в Гатчине в семье служащего и после окончания средней школы стала работать курьером в управлении связи. В 1926 г. она вступила в братство и поселилась на Московской ул. в небольшой общине сестер — прихожанок Феодоровского собора [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 3. Л. 421–421 об.]. В 1926–1928 гг. Л. А. Никитина состояла в руководимом о. Гурием молодежном кружке, куда входили прихожанки Феодоровского собора: студентка медицинского техникума Тамара Михайловна Шилинг, медсестра Александра Сергеевна Грацианова, домохозяйка Серафима Владимировна Буйлова, Елена Зотова и другие девушки. Они собирались по вечерам в общине сестер на Конной ул., «изучали религиозно-художественное творчество Достоевского, читали Евангелие и жития святых. Занятия иллюстрировались картинками и диапозитивами на библейско-евангельские темы» [Антонов, 2000, 106].

С. Буйлова вступила в число сестер общины и стала проживать на Конной ул., зарабатывая шитьем одеял на дому, в 1929 г. К этому времени, по сравнению с первоначальным, состав общины заметно изменился. Еще в конце 1925 г. из нее ушли, решив принять монашеский постриг, две основательницы: Вера Николаевна Киселева — в Свято-Троицкий Творожковский монастырь, а Евгения Сергеевна Миллер — в Богородицкий Пятогорский монастырь Гатчинского уезда. Обе они были пострижены в рясофор с сохранением имени. Инокиня Вера (Киселева) до 1928 г. являлась счетоводом трудовой артели Творожковского монастыря, при этом продолжала руководить братским хором правого клироса Алексиевской церкви монастырского подворья в Ленинграде. В город на Неве инокиня Вера окончательно вернулась после ликвидации в 1928 г. монастырской сельскохозяйственной артели [Мещерский, 1982, 57].

Недолго пробыла в составе общины вступившая в нее в 1923 г. учительница Анастасия Яковлевна Аристова. Она предпочла, оставаясь членом братства и соблюдая правила монашеского послушания, по семейным обстоятельствам жить отдельно. С 1928 г. Аристова была членом приходского совета Феодоровского собора и работала секретарем Ленинградского Епархиального управления. На допросе в феврале 1932 г. она заявила: «Соблюдать правила монашеского послушания, внешне не порывая с миром, является особенно важным при ликвидации монастырей. Для того, чтобы соблюдать правила монашеской жизни, оставаясь в миру, нужно: 1). Обязательное руководство священника, 2). Быть абсолютно верным Православной Церкви и не участвовать в расколах, 3). Быть покорной гражданской власти до того момента, пока не требуется отречения от Бога и Церкви, 4). Не порывая с миром, внутренне строго соблюдать заветы монашества» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 446].

Однако, несмотря на уход некоторых других членов, община за счет вступления новых сестер даже выросла численно. В 1925 г. в квартиру на Конной ул. пришла жить Мария Степановна Маракушина. Она родилась в крестьянской семье, в 1902 г. окончила курсы сестер милосердия, а затем Библейские курсы. В 1902–1921 гг. Маракушина состояла в Евгеньевской общине сестер милосердия в Петрограде, а после ее закрытия с 1921 г. работала медсестрой в больнице им. Свердлова. Весной 1925 г. из туркестанской ссылки вернулась в Петроград монахиня Мария (Шмидт), которая снова

стала старшей сестрой. Примерно в это же время в квартире на Конной поселилась фельдшер заводской больницы Елизавета Алексеевна Леванцова, но она прожила там недолго [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-71897. Т. 4. Л. 334]. А в 1928 г. в общину вступили сразу три женщины: Зинаида Петровна Денисова, Клавдия Ивановна Степанова и Екатерина Георгиевна Помылева. Таким образом, к концу 1928 г. в квартире на Конной ул. проживало восемь сестер.

На допросе 28 февраля 1932 г. О. Костецкая так говорила (в записи следователя) о порядке приема в общину: «Вербовка в общежитие производилась индивидуальным путем, каждым членом общежития в отдельности. Вновь поступившие предупреждались о правилах внутреннего распорядка, и на собрании сестер обсуждалась принимаемая кандидатура» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 448–449]. Вопрос приема согласовывался не только со всеми сестрами, но и с духовником. Покинуть общину можно было в любой момент, после предварительного оповещения.

По признанию М. Маракушиной, «жизнь наша в общежитии проходит в монашеском бдении и, по возможности, в молитве. В театры мы не ходим, безбожной и советской литературы не читаем, светских песен не поем и по клубам не ходим... Разница между нами и монахинями заключается только в том, что мы не пострижены». При этом все сестры работали в различных учреждениях или шили одеяла на дому. Ежемесячно они сдавали от 30 до 80 рублей старшей сестре на общий стол, оплату квартиры и помощь арестованным духовникам. Утренние и вечерние молитвы были общими, утром сестры ходили к ранней обедне в расположенные неподалеку Троицкую церковь Творожковского подворья или Феодоровский собор, где служили их наставники. Евангелие каждая сестра читала в своей комнате, вечером все вместе пили чай [Антонов, 2000, 104].

В начале 1930-х гг. большая часть сестер посещала левый клирос Феодоровского собора, где они пели в хоре под руководством инокини Веры (Киселевой). Некоторые члены общины частным образом преподавали Закон Божий в верующих семьях. А. С. Борисова 27 февраля 1932 г. заявила на допросе, что их задача заключалась и в «подготовке верных защитников Церкви от безбожия и богословски грамотных». Всем сестрам «справляли именины», на праздновании которых бывали архимм. Варлаам (Сацердотский), Гурий и Лев (Егоровы) [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 4. Л. 359, 368].

Именно о. Гурий был главным вдохновителем, руководителем и духовником общины. Даже из заключения он постоянно посылал сестрам письма с советами, наставлениями и утешениями. Накануне своего ареста по «делу Богословско-пастырского училища» архимандрит 14 февраля 1927 г. написал свои духовным дочерям следующее наставление: «Дорогие мои. Не знаю, вернусь ли завтра с Гороховой. Хочу написать Вам нечто вроде завещания. Крепко держитесь за послушание. Пусть старшая сестра станет Вам действительно старшей. А сестре Марии повелеваю никогда не считать себя начальницей и не принимать начальственного тона, а действовать словом убеждения и терпением. Еще: помните, что Вам нет уже пути в мир. Если кто-то почувствует, что созрел до монастыря, может идти туда, но только если этот монастырь хранит три обета монашества. А пока что — стремитесь посылно проводить в жизнь каждодневно послушание, нестяжание и целомудрие. Не останавливайтесь, идите вперед, все к большему осуществлению этих обетов. Я не передаю руководство Вами никому из отцов, оставляю его всецело за собой. Если умру, обращайтесь за советом и благословением к Владыке Иннокентию. А пока руковожу я, а меня заменяет сестра Мария. Поручения и просьбы отцов исполняйте только с ее разрешения. Это храните свято. Недовольство друг другом открывайте непосредственно, не в силах молча побороть. Духом не падайте. Я считаю, что у Вас, в общем, благополучно и много хороших сторон. Да благословит Вас Христос» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 3. Л. 165].

После полугодового заключения 29 ноября 1927 г. архим. Гурий был освобожден, но пробыл на свободе лишь около года. Предчувствуя очередной скорый арест, он написал 29 ноября 1928 г. новые наставления сестрам: «1. Ходить в храм по возможности

ежедневно. 2. Присутствовать неуклонно на домашней молитве (утренняя и вечерняя молитва, повечерие и др.) и выполнять ее благоговейно, строго придерживаясь установленных часов. 3. Аккуратно выполнять свое личное правило, как молитвенное, так и библийское. 4. Говорить только необходимое. 5. Между собой хранить мир и дружбу, относясь друг к другу терпимо, снисходительно, благожелательно и услужливо. 6. Без моего благословения не предпринимать ничего серьезного. Где бы я ни был, за мною остается главное руководство. 7. Старшей подтверждаю сестру Марию, которую прошу вести дела со всеми в согласии; если же она по какой-либо причине „выйдет из строя“, тогда сами изберите на время, до моего указания» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-71897. Т. 1. Л. 312; Антонов, 2000, 105].

В тот же день, 29 ноября, архим. Гурий написал наказ всем своим духовным детям, которых насчитывалось в то время около 50: «В храм ходите на буднях не реже 2-х раз в неделю. Ходите в храмы, где держатся богослужебного устава. Исповедуйтесь у о. Л[ьва (Егорова)] или о. В[арлаама (Сацердотского)] или о. Х[ристофора (Варфоломеева)] или лаврского о. Гурия [(Комисарова)]. Не оставляйте Иисусовой молитвы. Каждый день читайте Библию, Псалтырь и что-нибудь духовно-нравственное. Заботьтесь друг о друге» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-71897. Т. 1. Л. 312; Антонов, 2000, 105].

Предчувствие не обмануло архим. Гурия: 24 декабря 1928 г. он был арестован по делу религиозно-философского общества «Воскресение». Возглавлял это общество философ Александр Александрович Мейер, а среди членов были известные ученые — литературовед М. М. Бахтин, краевед Н. П. Анциферов, востоковеды А. П. Алявдин, Н. В. Пигулевская и др. Архим. Гурий познакомился с А. А. Мейером в 1922 г., в дальнейшем их контакты стали довольно частыми, так как Александр Александрович до июня 1927 г. входил в педагогический совет Богословско-пастырского училища и преподавал в нем апологетику. Впрочем, с 1926 г. архимандрит перестал посещать собрания общества, которые происходили по воскресеньям дважды в месяц, в основном на квартире гражданской жены Мейера К. А. Половцовой.

Всего о. Гурий присутствовал на пяти-шести таких собраниях, в частности, в 1926 г. слушал доклад М. Бахтина о новейшей немецкой философии. Причиной утраты интереса к «Воскресенью» стало отношение общества к Православной Церкви, о котором архимандрит вспоминал так: «На первом же заседании, выслушав речи некоторых об их свободном и почти отрицательном отношении ко всему церковному, я заявил, что мне делать у них нечего... Однажды на мои слова о том, что Церковь дала правила, которых нужно православным держаться, Смотрицкий ответил резко и горячо, говоря против всяких правил и против ограничения в деле религии... Организация „Воскресенье“ меня рассматривала не как своего члена... они люди с вольно философским мировоззрением» [Антонов, 1999, 296–297].

Однако не все участники «Воскресенья» были далеки от Православной Церкви. Активным членом Александро-Невского братства являлась дочь Мейера Лидия Александровна, занятия братского философского кружка посещал Алексей Максимович, осужденный по делу «Воскресенья» на пять лет лагерей. О своей близости к Мейерам писал Н. Мещерский: «Я никогда не бывал на их заседаниях, но я хорошо был знаком с семьей Мейеров. Лидия Александровна была в братстве; она привела меня к ним в дом для их семейных торжеств — я был шафером на свадьбе ее брата Аркадия. Когда у Аркадия родился сын, они меня просили быть крестным отцом. Я бывал у Мейеров часто, они жили на Петроградской стороне, около Малого и Ждановки (бывш. Офицерский пер.)» [мещерский, 1982, 93–94].

Следует отметить, что около половины осужденных по делу «Воскресенья» входили в другие религиозно-философские кружки, гораздо ближе стоявшие к православию. Эти кружки имели разнообразные связи с «Воскресеньем», но были вполне самостоятельными объединениями. В частности, к ним относился кружок «воскресников» Б. М. Назарова. Основателем его стал в 1923 г. активный член Александро-Невского братства профессор Иван Павлович Щербов, после смерти которого в 1925 г.

руководителем кружка стал корабельный инженер-механик Борис Михайлович Назаров, а духовным наставником — архим. Гурий (Егоров).

Среди постоянных участников собраний преобладали бывшие слушатели и педагоги Богословского института, в том числе и арестованный в 1925 г. братчик Михаил Николаевич Фроловский. Свои доклады на этих собраниях делали и члены «Воскресенья» — А. Мейер, М. Бахтин, А. Алявдин. На допросе 14 января 1929 г. архим. Гурий вспоминал об одном из заседаний кружка Назарова накануне Пасхи 1927 г.: «На нем присутствовали Бахтин, Мейер, епископ Григорий (Лебедев) и человек 10 еще, многие бывшие слушатели Богословского института... кажется мне, был священник Петр Жарков... Епископ Григорий говорил в заключении... он указал, что отвык от таких глубоких философских бесед и не все сумел понять» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-71897. Т. 1. Л. 319].

В протоколе своего первого допроса, 26 декабря 1928 г., архимандрит Гурий в графе «Политические убеждения» написал: «Не согласен с религиозной политикой коммунистической партии», но затем рассказал об окормляемой им общине сестер на Конной ул. Серьезных последствий в тот момент это не имело. Из сестер по делу «Воскресенья» была арестована лишь монахиня Мария (Шмидт). Ее взяли под стражу 9 января 1929 г., а единственный допрос состоялся на следующий день. Мать Мария не стала отрицать существование общины. 19 января органы следствия приняли решение о выделении ее дела в самостоятельное производство, так как она не являлась членом «нелегальной антисоветской организации „Воскресенье“», а была «руководительницей самостоятельной нелегальной группы женщин, создавшей на частной квартире монастырь» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-71897. Т. 4. Л. 332–334].

Мать Мария была вскоре освобождена и вернулась на Конную ул. В тот период ОГПУ не проявило особого интереса к общине сестер, и она смогла относительно спокойно просуществовать еще около трех лет. Отца Гурия, напротив, ждал суровый приговор. У него при обыске нашли различные церковные документы самиздата — «Послание Соловецких пастырей» 1927 г., заявление иосифлянского епископа Димитрия (Любимова) об отходе от митр. Сергия (Страгородского) и др. Кроме того, архимандрит в глазах органов следствия был опасным преступником-рецидивистом, в третий раз арестованным по обвинению в антисоветской деятельности и агитации. В результате 22 июля 1929 г. Коллегия ОГПУ приговорила о. Гурия к пяти годам лагерей, он был отправлен в Беломоро-Балтийский лагерь на строительство канала и вернулся жить в Ленинград только через 30 лет — в конце 1950-х гг., уже в сане митрополита.

После ареста архим. Гурия роль наставника общины на Конной ул. и главного руководителя Александро-Невского братства в целом перешла к архим. Варлааму (Сацердотскому). Впрочем, и раньше его влияние было очень значительным. В церкви Творожковского подворья, где он служил, пели два больших братских хора: первый под управлением Веры Николаевны Киселевой и второй — перешедший из храма свв. Бориса и Глеба — под руководством дочери известного историка Лидии Николаевны Суворовой. В конце 1929 г. Л. Суворова вышла замуж за Николая Киселева, который решил отказаться от духовной карьеры, но остался активным членом братства.

Отец Варлаам окормлял большинство певчих. Ежегодно в день св. кн. Александра Невского он писал братчикам и братчицам послания, в которых побуждал их к более активной духовной жизни, невзирая на неблагоприятные внешние условия [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 3. Л. 284–286]. По мере возрастания испытаний усиливался, углублялся молитвенный подвиг братчиков. О том, что молитва творит чудеса, архим. Варлаам говорил всегда очень пламенно и убедительно. Сохранились такие его слова, сказанные на братском Рождественском вечере 11 января 1928 г.: «Молитва как бы перерождает человека. Сила ее столь могущественна, что ничто, никакая сила страсти против нее устоять не может. Мало кто даже из верующих верит в чудодейственную силу молитвы — потому и не молятся; чтобы поверить, нужно на своем опыте это испытать, постичь, узнать. Попробуй молиться постоянно, внимательно и усердно, и сразу же изменится состояние твоей души, тогда полюбишь молитву»

[Зегжда, 2009а, 238]. В эти годы архим. Варлаам оказывал материальную помощь монахам Макариевской пустыни. Делалось это очень сокровенно, основной помощницей архимандрита при этом была братчица Ольга Георгиевна Нелидова, которую все в братстве очень любили за ее доброту и чистоту.

С рубежа 1928–1929 г. ситуация, в которой действовало Александро-Невское братство, существенно изменилась, быстро стала нарастать волна массовых гонений и репрессий против всех течений Русской Православной Церкви. Прежде всего, в связи с разжиганием классовой борьбы в деревне, была предрешена участь монашеских коммун, артелей и монашества в целом, как «социальных институтов, чуждых социалистическому образу жизни» [Зыбковец, 1975, 111].

Начали закрываться и церкви при ленинградских подворьях ликвидированных монастырей, хотя официально они уже давно считались приходскими. Так, в апреле 1930 г. была закрыта Петровская (Троицкая) церковь подворья Творожковского монастыря, что стало тяжелым ударом для Александро-Невского братства. Архим. Варлаам (Сацердотский) и архиеп. Гавриил (Воеводин), в декабре 1928 г. вернувшийся из Витебска в Ленинград, перешли служить в Феодоровский собор. Туда же перешли и оба братских хора. Регентом хора правого клироса был назначен иером. Серафим (Суторихин), окормлять его певчих стал настоятель собора о. Лев (Егоров). Хором же левого клироса по-прежнему регентовала инокиня Вера (Киселева), а духовным отцом певчих был архим. Варлаам [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 11]. Следует упомянуть, что в период с 1928 по 1932 гг., понимая, что жизнь братчиков находится под пристальным вниманием советских властей, архим. Лев рекомендовал им не употреблять в разговорах между собой слово «братство».

На допросе 28 февраля 1932 г. о. Варлаам так охарактеризовал последние годы существования братства: «После ареста Гурия Егорова и последующей его высылки руководство остатками „братства“ легло на меня. Общее количество братчиц и братьев к тому времени, т. е. к 1929 г., составляло не более 50 человек... Деятельность „братства“ в этот период заключалась в устройстве хоровых спевков и организации хора в Феодоровском соборе. Кроме того, осуществлялась помощь высланному духовенству путем сбора денег, вещей и отправки посылок. После ареста Шмидт отправкой посылок заключенным ведала Костецкая Ольга Иосифовна. Для воспитания членов в монашеском духе рекомендовалось посещение монастырей, таких как Макариевская пустынь и Сергиева пустынь. О всей деятельности „братства“ было известно Льву Егорову, который является настоятелем собора, и без его благословения в храме ничего не могло совершаться. Однако, установки мои и Гурия Егорова в методах воспитания верующих отличаются от установок Льва тем, что наш с Гурием метод монашеский, Лев же Егоров, не возражая принципиально против монашества, находил возможным его существование не уходя от современной светской жизни, то есть не меняя светского облика. С 1929 г. по настоящее время деятельность нашего „братства“ в основном ни в чем не изменилась» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 24–25].

Следует отметить, что архим. Варлаам, вероятно, сознательно занижил число братчиков и братчиц. Судя по сохранившимся архивным документам и воспоминаниям, к моменту разгрома братства в феврале 1932 г. число его только известных пофамильно членов составляло более 100 человек. Большие, чем о. Варлаам, цифры называли на допросах 1932 г. и другие арестованные, в частности, проживавшая на Конной ул. А. С. Борисова заявила: «Наше общежитие являлось лишь частью Александро-Невского братства, общее количество членов которого к аресту было не менее 70 человек». Эта же сестра подтвердила существовавшую разницу в методах руководства архимм. Льва и Варлаама. По ее словам, о. Лев призывал членов братства к широкой общественной деятельности, «направленной на внедрение христианства», поэтому предлагал повышать уровень светского образования и «учил сочетать культурную жизнь с верностью христианству»: «Этим объясняется то, что члены братства — дети о. Льва, в большинстве или люди интеллигентные, или учащаяся молодежь». А о. Варлаам, по свидетельству Борисовой, учил внутреннему благочестию (т. е. не призывал

к мирской и миссионерской работе) и благотворительной деятельности [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 4. Л. 340–341].

Н. А. Мещерский в своих воспоминаниях тоже отмечал, что из всех братских отцов у архим. Льва «направление было наиболее светское, он считал, что нужно заниматься светской культурой, привлекать светских людей» [Мещерский, 1982, 23]. Впрочем, на допросе 29 февраля 1932 г. Никита Александрович уже говорил, что о. Лев использует новые формы организации в лице «подобранной из его духовных детей двадцатки» (приходского совета) собора и хора правого клироса, «сплошь состоящего из интеллигентов, учащейся молодежи и личных духовных детей архимандрита. Среди них имеется много тайно монашествующих, которые не теряют светского облика и не чужды советской действительности». Отец Лев также признался следователю, что постриг в мантию около 15 женщин, но, несмотря на давление следствия, ни одной фамилии не назвал, заявив, что не помнит их [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 8; Т. 4. Л. 281–282].

Таким образом, разница в подходах отцов Льва и Варлаама заключалась, прежде всего, в том, что первый из них считал необходимым в изменившихся к худшему внешних условиях готовить образованных молодых людей к принятию тайного монашеского пострига, с тем чтобы они, живя в светской среде и работая в гражданских учреждениях, боролись за Церковь и несли Слово Божие в массы. Второй же руководитель братства полагал, что по-прежнему необходимо создавать полулегальные общины сестер и братьев с уставом внутренней жизни, близким к монастырскому, и постепенным отдалением членов общин от советской действительности и светской среды вообще.

На втором допросе — 7 марта 1932 г. — архим. Варлаам сообщил некоторые дополнительные детали братской деятельности: «К 1932 г. руководимое мною „Александро-Невское братство“ распалось на части. Одна помещалась на Конной, остальные члены сконцентрировались в Феодоровском храме, в Лавре, в Киновии и в Лесном. Общежитием на Конной я руководил после ареста архим. Гурия, к остальным членам братства имел отношение постольку, поскольку они исповедовались у меня. Другой формы связи не было. Общежитием в Петергофе я не руководил, бывал там только на праздниках, то есть два-три раза в год. Хотя „братство“ не представляло ко дню моего ареста строго централизованной организации, все же его жизнедеятельность проявлялась: а) в общинной жизни, б) в уставных богослужениях, в) в хоровых спевках, г) в организационной помощи заключенным, главным образом прежним руководителям „Александро-Невского братства“, д) в помощи больным, материальной и моральной, е) в организации посещения монастырей. Руководителями братства в это время были кроме меня Лев Михайлович Егоров и Вениамин (он же Эссен Владимир Михайлович)» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 27].

Отец Варлаам не случайно упомянул Александро-Невскую лавру как один из центров братства в последний период его существования. Связи братчиков с обителью, ослабевшие после событий 1922 г., в это время действительно вновь упрочились. Сам архимандрит хотя и служил на Творожковском подворье, а затем в Феодоровском соборе, состоял в числе лаврской братии. Не случайно историк А. Краснов-Левитин, рассказывая о насельниках Лавры конца 1920-х гг., после духовника обители архим. Сергия (Бирюкова) вспомнил о. Варлаама (Сацердотского): «Другой архимандрит, Варлаам, — ученый монах, сын валдайского священника, вдумчивый, серьезный пастьер, тоже суровый аскет. Помню его проповедь в день Усекновения Главы Иоанна Крестителя. Об Иоанне Крестителе сказал, что с точки зрения человеческой — это неудачник. И это слово сразу раскрыло для меня образ Иоанна Крестителя. Я почувствовал всю его трогательность и смиренное величие» [Краснов-Левитин, 1977, 204].

После закрытия Творожковского подворья некоторые члены Александро-Невского братства перешли в приход Свято-Духовской церкви Лавры. В их числе была братчица с 1918 г. Александра Николаевна Афанасьева. На допросе в феврале 1932 г. она показала, что от высланных архим. Гурия и еп. Иннокентия «в Ленинград приходили

письма, которые читались в Духовской церкви Лавры и в Федоровском подворье», а читали эти письма сама Афанасьева и монахиня Мария (Шмидт) [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 187].

С другой стороны, и ряд насельников Лавры был тесно связан с руководителями и членами Александро-Невского братства. В частности, лаврский игумен Гурий (Комиссаров) являлся духовником о. Гурия (Егорова). Именно к нему архимандрит советовал обращаться братчикам в случае ареста всех братских отцов. Н. А. Мещерский на допросе 25 февраля 1932 г. заявил: «Вокруг братства группировалось несколько монахов Александро-Невской лавры» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 4. Л. 279]. В частности, к братству был близок священномученик архидиакон Серафим (Вавилов).

Кроме того, одним из центров братства продолжала оставаться Лаврская киновия. Службы в ней, по заведенному архим. Гурием порядку, совершались ежедневно. Людей в воскресные и праздничные дни собиралось много — в основном члены Александро-Невского братства. За богослужением пел большой хор, службы совершались строго по уставу, без малейших пропусков. После ареста архим. Гурия — с декабря 1928 г. — настоятелем храмов киновии стал молодой ревностный иеромонах Сергей (Ляпунов), который постепенно начал играть все более заметную роль. Некоторые арестованные в 1932 г. по «делу Александро-Невского братства», в частности архиеп. Гавриил (Воеводин), даже включали его в число братских «руководителей и идеологов» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 141].

В середине февраля 1931 г. деревянная церковь Всех Святых была закрыта, но главный каменный храм Пресвятой Троицы в киновии продолжал действовать, и в нем по-прежнему пел один из трех братских хоров под управлением Лидии Мейер. На допросе 12 марта 1932 г. она показала: «В Киновии я служу регентом бесплатно и пела до ареста „сестер“ вместе с ними. Из своих знакомых по братству назвать никого не хочу. Сама я занималась частными уроками музыки с детьми, но религиозной пропаганды вести возможности не представлялось. С Гурием Егоровым я нахожусь в постоянной переписке, хотя в последние месяцы получала от него ответы очень редко. О подпольной деятельности братства показать ничего не могу, так как постоянно бываю только в Киновии. Бывала я в Петергофе у „сестер“, где кроме меня бывала Соколова Зинаида. О других показаниях давать отказываюсь» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 4. Л. 428–429].

До 1930 г. внештатным псаломщиком киновийского храма служил будущий митрополит Иоанн (Вендланд), и за эти свои труды он был посвящен последним наместником Лавры епископом Лужским Амвросием (Либиным) во чтеца [ЖМП. 1989. № 12. С. 20–23]. К. Вендланд часто читал и пел на клиросе. Для этого ему нужно было ежедневно проехать через весь город на трамвае, затем переправиться на пароход на другой берег Невы и прийти в храм раньше священника. Но не было случая, чтобы студент Горного института не пришел или опоздал. К моменту прихода священника он шел звонить на колокольню, а затем читал часы и пел на клиросе Божественную литургию, затем ехал через Неву и весь город назад — на работу и учебу, и так каждый день. Этот порядок нарушали лишь полевые геологические работы [Зегжда, 2009а, 414].

Осенью 1930 г. возник еще один центр Александро-Невского братства — при церкви Тихвинской иконы Божией Матери в Лесном, настоятелем которой стал служить иером. Вениамин (Владимир Михайлович Эссен). Он происходил из старинного рода остзейских баронов, был сыном харьковского губернатора и племянником знаменитого героя Русско-японской войны, командующего Балтийским флотом адмирала Николая Оттовича Эссена. После окончания Харьковской гимназии Владимир с 1919 г. служил в белогвардейской кавалерийской Дикой дивизии. В 1920 г. при эвакуации войск Врангеля он остался в Крыму, был задержан ЧК, но оставлен без наказания и направлен в Красную армию, где около года служил полковым конторщиком и художником. Затем юноша работал в отделе здравоохранения Крыма, Туапсинском лесничестве и порту; в 1923 г. он переехал к брату в Ленинград и до 1927 г. учился

в Художественно-промышленном техникуме, одновременно работая в Институте народного хозяйства.

«Будучи религиозным с детства» Владимир Эссен 20 июля 1927 г. принял монашеский постриг от своего духовного отца еп. Сергия (Зенкевича) и вскоре был посвящен во иеродиакона. Сначала он служил в Серафимовской церкви на ст. Песочная, при ленинградском храме свв. Бориса и Глеба, Николо-Богоявленском соборе, а с 1928 г., по приглашению архим. Льва, — в Феодоровском соборе. По признанию самого о. Вениамина, он очень сблизился с о. Львом, хотя опасавшийся репрессий властей еп. Сергий предупреждал держаться от архимандрита подальше, так как тот раньше занимался Александро-Невским братством и, «видимо, сейчас продолжает это». В 1929 г. иеродиакон Вениамин был посвящен во иеромонаха, он иногда проводил отдельные службы для братской молодежи и занимался богословским просвещением верующих в индивидуальном порядке [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 32–33].

Сохранились воспоминания некоторых современников о жизни и деятельности о. Вениамина. Н. Мещерский писал о нем так: «Впервые мы встретились, очевидно, в день первого и единственного служения митрополита Иосифа в Александро-Невской лавре в день Александра Невского (1926 г.), в соборе. Тогда он был светским; он был, так сказать, оруженосцем еп. Сергия (Зенкевича)... Он необычайно изменился, с тех пор как принял сан. Он стал очень величав, отрастил великолепную бороду и золотые кудри. Он был очень красив, почти как Борис Михайлович (Ляпунов)... Он был великолепный проповедник, говорил очень хорошо, с каким-то пафосом, с подлинным одушевлением» [Мещерский, 1982, 36–37].

Высоко оценивал пастырские способности о. Вениамина (Эссена) и А. Краснов-Левитин: «Я хорошо знал отца Вениамина и довольно часто у него бывал... Чистоплотный, аккуратный, безукоризненно вежливый; он был ласков, обходителен, но не фамильярен. Бледное породистое лицо, окаймленное рыжими бакенбардами, рыжие волосы (ариец) и чудесный грудной музыкальный голос... вокруг отца Вениамина всегда был кружок — интеллигентные дамы, девушки, студенты. Когда его перевели из Федоровского собора в Лесное (в Тихвинскую церковь), все пошло за ним. По вторникам он проводил беседы. Говорил чудесно, вдумчиво и, главное, лирически. Характерный для него образ — проповедь в праздник Федоровской Божией Матери. Окончание: „Нам вспомнилась смерть друга. Он пережил многое, и в жизни налипло на него много дурного. Он был очень болен. Я сидел у его постели. Было темно. Лишь в углу, озаряя лик Божией Матери, горела лампада. Он мне сказал: «Я был счастливым, когда чувствовал, что Божия Матерь была со мной. И сейчас я чувствую, Она опять со мной». И умер легко и тихо, с радостной улыбкой. Божия Матерь да будет и с нами. Пресвятая Богородица, помогай нам. Аминь“» [Краснов-Левитин, 1977, 206–207].

Настоятелем Тихвинской церкви о. Вениамин был назначен 4 ноября 1930 г. и служил в ней до своего ареста 17 февраля 1932 г. Когда иеромонах «перешел в Лесное», он действительно, по свидетельству архим. Алипия (Ивлева), «увел с собой много братчиц» — монахиню Марию (Шмидт), Марию Александровну Фуфину и других, но при этом остался другом архим. Льва (Егорова) и Варлаама (Сацердотского) [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 85]. В Тихвинской церкви о. Вениамин устраивал новые уставные службы, организовывал помощь ссыльному духовенству и т. п.

Мать Мария покинула общину на Конной улице весной 1930 г. и до перехода в Тихвинский храм продавала свечи в Феодоровском соборе. Причиной определенных разногласий в общине стала проявившаяся разница взглядов на осуществление двух задач, которые, по свидетельству О. Костецкой, составляли конечную цель совместной жизни сестер: «1. подготовить себя к монашеству и впоследствии уйти в монастырь; 2. нести монашеское послушание, оставаясь в миру, так как некоторые сестры считали себе достаточным для спасения осуществление монашества внутри себя, не постригаясь» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 72; Т. 4. Л. 428].

Большинство членов общины, как и ее духовный наставник архим. Варлаам, полагали, что «в современных условиях при ликвидации монастырей явное монашество осуществлять трудно». Но некоторые сестры считали, что первая задача должна быть определяющей в жизни общины. В результате возник конфликт и квартиру на Конной покинули мать Мария (Шмидт) и Л. А. Мейер, склонная, как ей казалось, к монашеству, принимать которое архим. Гурий, однако, ей не рекомендовал. На допросе 12 марта 1932 г. Лидия Александровна указала: «Я — духовная дочь Варлаама (Сacerдотского). До этого была духовной дочерью Гурия (Егорова). В общежитии на Конной я жила с 1924 по 1930 год. Так как я была по своему настроению более близка к монашеству и спорила с сестрами, как себя держать во время пения — я от них ушла вместе с Марией Шмидт» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 72; Т. 4. Л. 428].

После ухода матери Марии старшей сестрой и заведующей хозяйством снова стала Ольга Костецкая. Руководство же о. Варлаама, по ее свидетельству, выразалось в том, что О. Костецкая советовалась с ним по различным вопросам жизни общежития — характеру поста, приему новых членов и др. Иногда архимандрит писал сестрам письма «с назиданиями и различными советами» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 72].

Взамен ушедших в 1930 г. община на Конной улице пополнилась двумя новыми сестрами. Одна из них, Мария Александровна Тихомирова, родилась в Пскове в мещанской семье, окончила Николаевский сиротский институт и затем работала в Ленинграде счетоводом 14-го пункта охраны материнства и младенчества. Вторая сестра, Елена Федоровна Ауэрхан, родилась в Петербурге в семье кустаря. Около 10 лет она проработала медсестрой в сельской больнице вблизи Свято-Троицкого Творожковского монастыря, в 1929 г. вернулась в Ленинград и стала работать медсестрой на объединении «Скорород». Таким образом, членами общины на Конной ул. за всю ее историю были в общей сложности 14 человек.

Почти все сестры вплоть до своего ареста писали в лагерь архим. Гурию, но он в основном отвечал через тетю — монахиню Марию (Шмидт). Она весной 1931 г. на четыре месяца ездила в места заключения о. Гурия, привезла в Ленинград облатки, дары, требники для богослужений и т. д. Чтобы скрыть факт поездки, непосвященным говорили «о ее болезни».

Вскоре после возвращения мать Мария в письме к о. Гурию так описала свои первые дни пребывания в городе: «Приехав с вокзала, прямо пошла в церковь, но она уже была закрыта (епископ не служил, и кончилось раньше). Пошла на Конную ул. Открыла Мар[ия] Ал[ександровна Тихомирова]. Ольги и Зины дома не было. Мар[ия] Ст[епановна Маракушина] и Сима кончали пить чай. Эти три встретили очень приветливо. Ма[рия] Ст[епановна] очень любезно стала предлагать поест, я подумала — вот как немного надо, чтобы изменить настроение человека, написал ей о. Г[урий] несколько благодарственных слов, и ее отношение ко мне изменилось. Мар[ия] Ал[ександровна], как всегда, стала расспрашивать. Мар[ия] Ст[епановна] и Сима стали слушать с интересом и свои вопросы вставляли... Ольга [Костецкая] пришла позднее. Встретила приветливо. Настроение было, по-видимому, довольно хорошее. В последующие дни оно опять несколько хуже стало. Из новостей узнала, что кроме тех 3 священников, о кот[орых] говорила М. Ф., еще расстреляны о. Василий с Гутуевского острова, Мих[аил] Тих[омиров] и 2 Ораниенбаумские монашки и одна Кикеринская из отколовшихся... В субботу утром пошла к ранней на Ф[еодоровское подворье] и оттуда к о. Л[ьву Егорову]. С ним беседовала, пока ему не пришлось опять идти в церковь участвовать в панихиде после поздней. Тогда и поехала в Лесное. Мне сказали, что о. В[ениамин Эссен] очень болен, но все же служит, но между службами не возвращается домой, а отдыхает там, при церкви. Поэтому решила туда поехать, не затруднять его беседой, но исповедоваться. Действительно нашла его там — там как раз радость была — пришел от. Григ[орий], которого после 5-и месяцев сидения выпустили» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 3. Л. 436–437].

В петергофской общине сестер жизнь протекала более размеренно и спокойно, без внутренних конфликтов. Ее состав вплоть до арестов 1932 г. оставался постоянным — те же пять-шесть сестер во главе с Ниной Яковлевой. В Серафимовской церкви продолжал служить о. Варсонофий (Веревкин), возведенный в 1930 г. в сан игумена. Правда, он страдал пеллагрой — т. н. сонной болезнью, что иногда сказывалось на ходе службы. Его деятельным помощником по храму был иеродиакон Нектарий (Панин).

Сестры старались жить в стороне от мира, «стремясь подготовить себя к монашеству и уйти в монастырь», но все более понимая, что вскоре действующих обителей может не остаться. Пока еще имелись возможности, они выезжали в Макарьевскую пустынь близ Любани, где монахи держались строгого устава, общались с духовно опытными иноками в Троице-Сергиевой пустыни вблизи пос. Стрельна (прежде всего с иером. Варнавой) и сестрами из закрытого Свято-Иоанновского монастыря, жившими небольшими общинами в разных местах города на Неве, в том числе и в Александро-Невской лавре. Впрочем, в Ленинград из Петергофа сестры выезжали редко — в основном Нина Яковлева и Елена Белова, ездившая для закупки продуктов и периодически ночевавшая у старой знакомой, братчицы А. Н. Афанасьевой. Общее настроение в петергофской общине было более апокалиптическое, чем на Конной ул. Согласно показаниям А. С. Заспеловой, «среди сестер ходили разговоры о протоколах сионских мудрецов, в которых будто бы предсказано все, что сейчас делается» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 187, 448].

В то же время в общине охотно принимали гостей, прежде всего — других членов Александро-Невского братства. В престольные праздники после церковной службы устраивали трапезу, на которой присутствовали архим. Лев (Егоров), иером. Серафим (Суторихин), иером. Сергей (Ляпунов) и другие отцы. Особенно часто в Петергофе бывал архим. Варлаам (Сацердотский).

Постоянно приезжали к петергофским сестрам все члены общины на Конной ул., чаще всего — монахиня Мария (Шмидт), А. Борисова и О. Костецкая. Неоднократно бывали в общине и о. Вениамин (Эссен) со своим послушником Львом Поляковым, Никита Мещерский, служившие в Феодоровском соборе архиеп. Гавриил (Воеводин), архим. Алипий (Ивлев) и др. [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 1. Л. 216, 223, 228]. Таким образом поддерживалась постоянная живая связь с другими частями Александро-Невского братства.

Главным же центром братства с апреля 1930 по февраль 1932 гг. являлся собор Феодоровской иконы Божией Матери, ранее бывший при подворье Феодоровского мужского монастыря Нижегородской епархии. Поэтому в храме и в начале 1930-х гг. еще продолжало служить несколько монахов Феодоровского монастыря. Но настоятелем, как уже указывалось, был о. Лев, по свидетельству А. Краснова-Левитина, «один из лучших представителей петербургского ученого монашества»: «Весь церковный Питер тогда знал братьев Егоровых... Из трех братьев я больше всего любил отца Льва, он остался у меня в памяти как образец церковного администратора. Он удивительно соединял исконную православную традицию с широкой культурой и тонким интеллектом. Это отражалось на всей жизни обители (т. е. подворья). Строгая уставность богослужения и постоянные проповеди. Строгий порядок, никакой давки, никакой толкотни, и наряду с этим, никакой суровости, никаких строгостей. Монахи его уважали, но не боялись. Он любил молодежь и умел ее привлекать. В обители мирно уживались малограмотные старички — иеромонахи, оставшиеся от Ипатьевского монастыря, и монахи-интеллектуалы, привлеченные отцом Львом» [Краснов-Левитин, 1977, 206].

В 1930 — начале 1932 гг. архим. Лев, вероятно, уже окормлял большую часть братиц (при приеме он вручал им белые платки). По свидетельству А. Я. Аристовой, в это время у него было 30–50 духовных детей. Н. Мещерский на допросе показал: «В настоящее время деятельность братства, кроме общежитий, протекает главным образом в Феодоровском храме, под руководством архим. Льва (Егорова). Причем сам Лев Егоров, сознавая, что „братство“, сохранившее свою цельность и действующее в храме под видом хора, слишком скомпрометировано в глазах советских органов, всячески

старался затушевать признаки братства вплоть до запрещения называть себя „братьями“ и „братчицами“» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 212, 444].

Отец Лев действительно считал необходимым проявлять определенную осторожность и осмотрительность, понимая, что ОГПУ может в любой момент «выйти» на братство и разгромить его. Именно поэтому он, как уже отмечалось раньше, активно способствовал развитию института тайного монашества. Это отмечали позднее в своих показаниях многие арестованные священнослужители. Так, архим. Алипий (Ивлев) говорил: «Лев Егоров руководит духовными детьми, воспитывая из них активных, внутренне монашествующих, но не теряющих светского облика борцов за Церковь. Это относится, главным образом, к ученикам Егорова Льва — мужчинам, которых он старается воспитать в монашеском духе для пополнения кадров духовенства». Сходные показания дал архиеп. Гавриил (Воеводин): «Одним из способов укрепления Церкви руководители считали тайное монашество, которое, по их мнению, должно было воспитать стойких, интеллигентных и решительных борцов за веру. Сообразно этому круг лиц, группирующихся вокруг Льва Егорова, состоит преимущественно из интеллигенции и учащейся молодежи» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 446, 447].

Важнейшая заслуга архим. Льва состояла в том, что он неустанно стремился расширить ряды братства, привлекая в него образованных молодых людей. Об этой деятельности подробную информацию на следствии дал хорошо знакомый с ней Н. Мещерский: «Попадавшая в храм молодежь привлекалась к церковной деятельности следующим образом: заметив, что молодой человек или девушка часто ходит в храм, к нему присматривались более внимательно, а затем следовали беседы Льва Егорова или других лиц из актива, которые окончательно устанавливали содержание посещающего. Затем предлагалась та или иная церковная работа, как участие в хоре при наличии голоса, помощь в уборке храма, прислуживание при архиерейских богослужениях и т. п.

В дальнейшем следовало „духовное отчество“, т. е. духовное послушание и исповедь у постоянного духовника не менее 4-х раз в году. Работа по вовлечению в храм, а в дальнейшем и в „братство“ носила до известной степени компанейский характер. Периоды оживления совпадали с большими праздниками, говениями и постами. В последующем молодежь, обработанная и путем „духовного“ воздействия со стороны духовника, и посредством общения с членами братства, сама становилась достаточно активной и, в свою очередь, вовлекала в церковный актив новых людей. В конечном итоге, молодежь все более проникалась прозелитизмом, иногда порывая все связи с советским миром, уходя в явное монашество или молча протестуя против революции, относясь формально к своей советской службе, всего себя отдавая Церкви» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 450–451].

В таком поведении верующей молодежи проявлялась вполне естественная внутренняя оппозиция и духовное сопротивление все более жесткой антирелигиозной политике советской власти, разворачивающимся «безбожным пятилеткам» и т. п.

Согласно показаниям Н. Мещерского, в начале 1930-х гг. духовное окормление со стороны братских отцов получило особенное значение, приобретая черты старчества: «Дополнительно касаясь новых форм деятельности „братства“, должен особо отметить индивидуальную обработку путем духовничества, которое некоторыми приравнялось к старческому руководству. Принимавший над собою „духовное отчество“, т. е. руководство того или иного священника, обязывается исповедаться как минимум 4 раза в год, но некоторые исповедались по 3–4 раза в месяц. Значение исповеди для последующей индивидуальной обработки оказывалось особенно действенным, т. к. исповедующиеся у духовного отца обычно просят благословения и советуются даже по малейшим случаям и предприятиям в своей жизни» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 445].

Активное стремление архим. Льва превратить приход Феодоровского собора в оплот Александро-Невского братства даже вызывало сопротивление у некоторых

старых членов церковно-приходского совета (двадцатки). Свою роль в этом, видимо, сыграл и конфликт прежнего настоятеля храма прот. Иоанна Титова с о. Львом. Согласно свидетельству иером. Вениамина (Эссена), оставшийся служить в соборе с «понижением» о. Иоанн был недоволен этим. В результате часть старых членов приходского совета в декабре 1928 г. обратилась к заведующей церковным столом Володарского райисполкома Леопольдовой с просьбой снять архим. Льва с регистрации, жалуясь, что настоятель пытается давно входящих в состав двадцатки «мужиков» заменить на новых «интеллигентных людей» [ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 25. Л. 41–41 об.]. К счастью, конфликт был скоро разрешен, до вмешательства властей дело не дошло и о. Лев смог продолжить свою миссионерскую деятельность.

Вступившие в братство молодые люди находились в постоянном тесном общении, поддерживая друг друга в различных ситуациях. «Новенькие» поручались «старшим» братчикам. Широко оказывалась материальная помощь учащейся молодежи, приехавшим из других областей на учебу подыскивались помещения для проживания, студентам старших курсов находили желающих брать платные уроки, испытывавшим трудности с обучением устраивали занятия по специальности. В частности, иеродиакон Афанасий (Карасев) преподавал иностранные языки, а Александра Баланович — русский язык и требуемый в советских вузах диалектический материализм, доказывая с помощью его законов догматы Священного Писания. Например, в разделе «Взаимопроникновение» ее конспектов по диамату говорилось: «Божественная благодать, уловленная свободно, сознательно человеком через его творческую деятельность — проникает материальный мир. „Да святится имя твое“ — момент диалектики, момент движения» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 449–452].

Руководство же богословским образованием молодых членов братства, естественно, осуществляли архим. Лев (Егоров), Варлаам (Сацердотский) и другие братские отцы. Отдельные молодежные кружки возглавляли иером. Серафим (Суторихин), иеродиак. Афанасий (Карасевич), иером. Вениамин (Эссен) и о. Лев. «Старая» братчица Вера Клочкова на допросе 13 марта 1932 г. показала: «Среди молящихся особенно выделялся кружок молодежи под руководством Льва Егорова. Члены этого кружка устраивали спевки, собирались по квартирам, организовали Льву Егорову подарки — как, например, митру, монашеский пояс» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 113].

Двунадесятые праздники члены братства встречали все вместе в храме, а потом за столом. Вместе они встречали и Новый год, в частности, 1 января 1932 г. собирались по этому поводу на квартире у молодой певчей собора Тамары Шилинг. На таких вечеринках исполнялись и духовные песнопения и стихи. Некоторые братчики занимались литературным творчеством [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 3. Л. 422].

Под видом загородных экскурсий и прогулок для членов братства регулярно устраивались коллективные паломнические поездки в монастыри. Кроме того, братчицы и самостоятельно ездили на богомолье в Пятогорскую (Кикеринскую), Нежадовскую и другие обители. Особенно тесные связи существовали с Макарьевской пустынью. Позднее на допросах монахи этой обители говорили, что у них часто бывали архим. Варлаам (Сацердотский), Л. Д. Аксенов, а близкий к Александро-Невскому братству профессор Василий Васильевич Маркович даже жил в монастыре в июле-августе 1931 г. 28 дней. Дважды ездила в обитель вместе с Л. Никитиной А. Грацианова.

Н. Мещерский в своих воспоминаниях писал, что в 1928–1931 гг. он ежегодно совершал паломничество в Макарьевскую пустынь с разными попутчиками: в 1928 г. — с И. Лобковским, Г. Карасевичем и молодыми прихожанами Феодоровского собора, в 1929 г. — один, в 1930 г. — с Ю. Муретовым и своим двоюродным братом Д. В. Комаровым, отец которого был расстрелян в этом году. А на допросе 25 февраля 1932 г. Мещерский показал: «Братство имело тесную связь с монахами Макарьевской пустыни, Сергиевской пустыни на ст. Володарка, а также Черемнецкого и Кикеринского монастырей, вновь принятых в монашество... отправляли для ознакомления

с монашеской жизнью. Некоторые в этих монастырях совсем оставались, например, Женья [Миллер], девица с высшим образованием, оставшаяся в Кикеринском монастыре. Кроме того, по-видимому, были связи за пределами области. Варлаам Сацердотский ездил на Кавказ, и монахи имели постоянные пристанище в Москве. Для приезжающих из разных монастырей области и, главным образом, Макарьевской пустыни, в Ленинграде существует специальная продуктовая база у монаха Симона» [Мещерский, 1982, 100].

Материальная помощь пустыни осуществлялась в основном через дочь камерюнкера Высочайшего двора, братчицу с 1918 г. Ольгу Георгиевну Нелидову. В ее квартире в Озерном пер., 2, останавливались приезжавшие в город иноки. О. Г. Нелидовой передавались специально собранные членами братства для обители продукты.

Помощь монастырям была далеко не единственной формой «служения ближним» со стороны братчиков и братиц. Их благотворительная и религиозно-просветительская работа выражалась также в помощи заключенным, больным (медицинской, материальной и моральной) и занятиях с детьми.

Подробные показания об «общественной деятельности» членов братства дала на допросе 5 марта 1932 г. Ольга Костецкая: «Деятельность эта проявлялась в оказании помощи больным, для чего „братицы“ занимались в санитарных кружках и старались поступить в больницы, шли в медицинские учебные заведения, как, например, Шура Грацианова, Тамара Шилинг. Кроме того, помогали семьям больных материально и морально, ходили на дежурства и т. д. Затем организованно помогали заключенным. Деньги, вещи и продукты собирались в общежитиях, в Федоровском храме и среди отдельных прихожан, затем поступали к Селюгиной и Волковой для передачи Иннокентию, остальная часть передавалась Марии Шмидт, а после ее ареста Марии Васильевне Поляковой, члену „20-ки“ Киновийской церкви, которая иногда прислала отправить посылку Денисову Зинаиду Петровну. Некоторая часть средств для помощи заключенным составлялась из отчислений „20-ки“ Федоровского храма, главным образом из кружки, предназначенной для хора. Кроме вышесказанного, члены братства — в отдельности каждый, если к этому представлялась возможность, руководили религиозным воспитанием детей у родителей, которые желали воспитывать своих детей в религиозном духе. Делалось это путем практики частных уроков» [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 73–74].

Относительно помощи больным следует отметить, что ею занималась большая часть братиц. В условиях строжайшего запрета любой церковной благотворительной деятельности это была ее практически единственная легально доступная форма. Много молодых братиц стремились получить медицинское образование, а некоторые уже несколько лет работали в больницах, поликлиниках, родильных домах и т. п. — больше всего в ближайшей к Федоровскому собору инфекционной больнице им. Боткина. Кроме того, у членов братства было принято обращаться к своим врачам.

Помощь заключенным и отбывавшим ссылку священнослужителям оказывалась регулярно и организованно. Сборы действительно проводились в первую очередь среди сестер общин в Петергофе и на Конной ул., а также прихожан Федоровского собора. М. Маракучина и О. Костецкая обращались к певчим правого и левого хора с просьбой помочь заключенным кто чем может. Собирали по 1–2 и более рублей с человека. Кроме того, в храме стояли кружки с надписью «На хоры», но почти все деньги из них шли на отбывавших заключение, так как хоры были бесплатными. Наконец, многие братицы лично передавали свои пожертвования ответственным за сборы лицам. Так, А. Н. Афанасьева показала на допросе, что она отдавала продукты в общий фонд матери Марии (Шмидт), а после ее ареста — Пелагее Григорашенко. Посылки для отправки готовились в основном на Конной ул. и отправлялись по почте по заранее намеченным адресам. Другим способом доставки была помощь железнодорожников — прихожан Федоровского собора. Через них в значительной степени и осуществлялась связь с высланным духовенством [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 117, 187, 452].

Некоторые члены братства сами ездили к отбывавшим срок наказания священнослужителям, прежде всего к еп. Иннокентию (Тихонову), который с января 1929 по осень 1931 гг. проживал на поселении в Вологде. Регулярно отвозили владыке письма, продукты и деньги Клавдия Селюгина и Ольга Волкова. Н. Мещерский также вспоминал, что он ездил в Вологду в день Ангела епископа в ноябре 1929 г. Как уже говорилось, мать Мария (Шмидт) навещала в местах заключения архим. Гурия (Егорова) и т. д. [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 117, 452].

Занятия с детьми считались важнейшим делом, которое в условиях нарастания безбожной пропаганды приобретало исключительное значение. Особенно активно преподавали Закон Божий частным образом на квартирах бывшая слушательница Богословско-пастырского училища Надежда Павинская и дочь генерала Наталья Хаккевич, обучавшаяся ранее в Богословском институте. Н. Хаккевич занималась и с двумя молодыми братчицами — Серафимой Буйловой и Лидией Никитиной.

Следует отметить, что к началу 1930-х гг., помимо общежитий в Петергофе и на Конной ул., возникло еще несколько небольших общин на частных квартирах, где совместно проживало от двух до пяти сестер. Таким образом, к 1932 г., несмотря на неблагоприятные внешние условия, деятельность Александро-Невского братства не только не затухала, но и продолжала развиваться, приобретая новые формы, его ряды заметным образом пополнялись образованными и активными молодыми людьми.

Полная трагизма и жертвенного служения история братства завершилась в начале 1932 г. Его судьба была predeterminedена развернутой кампанией массовых арестов священнослужителей и, прежде всего, монашествующих. Главный удар по еще проживавшим в городе монахам органы ОГПУ нанесли в так называемую «святую ночь» с 17 на 18 февраля 1932 г. В ходе этой акции были арестованы и осуждены около 50 членов Александро-Невского братства. Многие братские отцы и миряне — члены братства были расстреляны в 1937–1938 гг.: архиеп. Иннокентий (Тихонов), архим. Лев (Егоров), архим. Варлаам (Сацердотский), братчицы Екатерина Арская, Кира Оболенская и др.

Даже после разгрома 1932 г. Александро-Невское братство не исчезло полностью. При поселившемся после освобождения в 1933 г. в Средней Азии архим. Гурии (Егорове) возникла община его духовных детей — братчиков и братчиц, насчитывавшая около 20 человек и просуществовавшая в «катакомбах» до середины 1940-х гг. Большинство из них позднее приняли монашеский постриг (см.: [Зегжда, 2009б]).

Несмотря на жестокие репрессии, братские отцы все же во многом смогли воплотить в жизнь одно из своих стремлений — в условиях гонений подготовить новых молодых священнослужителей Русской Православной Церкви. Четверо братчиков стали архиереями: Иоанн (Вендланд) — митрополитом Ярославским и Ростовским, Леонид (Поляков) — митрополитом Рижским и Латвийским, бывший иподиакон архиепископа Гавриила (Воеводина) Никон (Фомичев) — архиепископом Пермским и Соликамским, Михай (Хархаров) — архиепископом Ярославским и Ростовским. Еще три будущих архиерея имели определенное отношение к братству: архиепископ Вологодский и Великоустюжский Михаил (Мудьюгин) — через свою мать Веру Николаевну Мудьюгину, активную братчицу, а митрополит Волгоградский и Кашинский Герман (Тимофеев) и епископ Можайский Стефан (Никитин) — через их общего духовного пастыря владыку Гурия (Егорова). Последним из членов братства 22 октября 2005 г. скончался архиеп. Михай. Он до конца дней хранил светлую память об Александро-Невском братстве.

Таким образом, след, оставленный Александро-Невским братством в истории Русской Православной Церкви, был достаточно заметным весь XX в., ни из одной другой общественной церковной организации не вышло такое количество архиереев Московского Патриархата.

На заседании Священного Синода Украинской Православной Церкви Московского Патриархата от 22 июня 1993 г. по ходатайству Харьковской епархии был прославлен в числе новомучеников и исповедников Слободского края архиеп. Иннокентий

(Тихонов). Определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 7 мая 2003 г. к лику святых были причислены архим. Лев (Егоров) и две братицы — Екатерина Андреевна Арская и Кира Ивановна Оболенская. Собираются материалы для прославления и других членов братства. Память о новомучениках в Северной столице возрождается. Но главным событием стало воссоздание при Лавре Александро-Невского братства.

Источники и литература

1. Антонов (1999) — Антонов В. В. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова. Духовные поиски петроградской интеллигенции 1920-х годов // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Т. 4. СПб., 1999. С. 291–299.
2. Антонов (2000) — Антонов В. В. Александро-Невское братство и тайные монашеские общины в Петрограде // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. Вып. 23. С. 101–109.
3. АУФСБ СПб ЛО — Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-24095; Д. П-68567; Д. П-71897.
4. ЖМП (1989) — Архиепископ Ярославский и Ростовский Платон. Высокопреосвященный митрополит Иоанн // Журнал Московской Патриархии. 1989. № 12. С. 20–23.
5. Зегжда (2009а) — Зегжда С. А. Александро-Невское братство. Казань, 2009.
6. Зегжда (2009б) — Зегжда С. А. Александро-Невское братство: добрым примером, житием и словом. Набережные Челны, 2009.
7. Зыбковец (1975) — Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.) М., 1975.
8. Краснов-Левитин (1977) — Краснов-Левитин А. Лихие годы. Париж, 1977.
9. Мещерский (1982) — Мещерский Н. А. На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною... Л., 1982. Рукопись.
10. Чуков (2012) — Митрополит Григорий (Чуков). Дневник. Тетради 16–33, фрагменты. Архив Историко-богословское наследие митрополита Григория (Чукова) / Публ. Л. К. Александровой // Шкаровский М. В. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: 1913–2013: в 2 т. СПб., 2012. Т. 2. С. 407–408.
11. Вендланд (1998) — Иоанн (Вендланд), митр. Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров): Исторические очерки. Ярославль, 1998.
12. Центр документации новейшей истории Воронежской обл. Ф. 9323. Оп. 2. Д. П-24705.
13. ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1001. Оп. 8. Д. 75; Ф. 7383. Оп. 1. Д. 25.
14. Шкаровский (1999) — Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999.